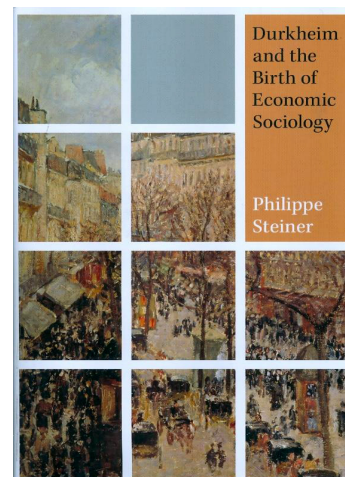

НОВЫЕ КНИГИ

А. С. Максимова

Экономико-социологический путеводитель по дюркгеймианской школе

Рецензия на книгу: Steiner P. 2010. *Durkheim and the Birth of Economic Sociology*. Translated by Tribe K. Princeton, NJ: Princeton University Press.

МАКСИМОВА

Алиса Сергеевна — магистрант факультета социологии НИУ ВШЭ (Москва, Россия).

Email: alice.mcximove@gmail.com

Филипп Штайнер — профессор социологии университета Париж-Сорбонна (Париж-IV). Интервью с ним было опубликовано в электронном журнале «Экономическая социология» в 2009 г. [Штайнер 2009]. Темой беседы были преимущественно состояние и перспективы развития экономической социологии во Франции, а также интерес Штайнера к рынку трансплантации органов. Штайнер является также автором нескольких книг и большого количества статей по истории социологии. Одна из них — «Дюркгейм и рождение экономической социологии», изданная в 2005 г. на французском языке под названием «Дюркгеймианская школа и изучение хозяйства. Социология, религия и знание» и переведённая на английский язык в 2010 г.

В обзорных работах по экономической социологии Эмиль Дюркгейм упоминается и обсуждается, как правило, с точки зрения его общего вклада в дисциплину¹. В данном же случае мы имеем дело с весьма тщательным исследованием роли дюркгеймианской школы в социологических исследованиях хозяйства. Едва ли возможен более подробный профессиональный обзор. В рассматриваемой книге Филипп Штайнер даёт развёрнутый, разносторонний анализ позиции Дюркгейма, работ его учеников и последователей, институционального развития французской экономической социологии в контексте социальных наук в целом.

Основная идея Штайнера заключается в том, что в работах Эмиля Дюркгейма, а затем в работах других представителей дюркгеймианской школы можно найти положения, относящиеся к двум исследовательским программам. Эти программы так или иначе связаны с изучением хозяйства. Первая обозначена в ранних текстах Дюркгейма и касается в первую очередь критики политической экономии. Отталкиваясь от методологии и системы понятий, используемых экономистами, Дюркгейм предлагает альтернативную методологическую схему и более «социальную» концептуальную рамку для анализа экономических фактов. Во второй исследовательской программе, формирование основ которой можно проследить в поздних работах Дюркгейма, намечена концептуальная связь хозяйства и религии.

¹ См., например: [Смелсер, Сведберг 2004].

Рецензируемая книга структурирована следующим образом. Самому Дюркгейму посвящены первые две главы, в которых соответственно рассматриваются две его исследовательские программы. Первая глава, таким образом, сосредоточивается на взглядах Дюркгейма, свойственных ему в период от работы над диссертацией до публикации «Самоубийства» [Дюркгейм 1994] в 1897 г. Основной темой здесь является критика политической экономии. Вторая глава касается поздних работ Дюркгейма, в которых он анализирует связь между хозяйством и религией. Этот подход характеризует то, что социология знания выступает в качестве посредника между социологией религии и экономической социологией. В третьей главе Штайнер обращается к работам учеников Дюркгейма — Мориса Хальбвакса (Maurice Halbwachs) и Франсуа Симиана (François Simiand) (первый может быть более известен социологам как автор концепции коллективной памяти). В третьей и четвертой главах говорится о критике Хальбваксом и Симианом экономической теории, понятий и категорий, используемых экономистами, а также описывается проект по разработке методологии для экономической социологии. Штайнер представляет обзор основных исследований этих авторов, предметом изучения в которых являются цены, заработная плата, потребление и деньги. Пятая глава сфокусирована на анализе связи религии и хозяйства. Ключевой фигурой в данной области является Марсель Мосс (Marcel Mauss), автор классической работы «Очерк о даре» [Мосс 1996]. В шестой главе Штайнер демонстрирует, как в ходе развития теоретических и методологических положений Дюркгейма две его исследовательские программы, поначалу независимые, сходятся в работах Мосса и Симиана. Последние две главы отводятся анализу дюркгеймианских взглядов в более широком масштабе. В частности, Штайнер сопоставляет теоретические позиции Дюркгейма со взглядами, изложенными в работах Карла Маркса и Макса Вебера.

Рассмотрим логику книги чуть более подробно.

Штайнер начинает с того, что в главе «Дюркгейм и критика политической экономии» характеризует отношение Дюркгейма к сфере хозяйства в ранний период его научной деятельности. Он прослеживает соответствие аргументов Дюркгейма с положениями представителей политической экономии. Им проанализированы ссылки на экономистов и подсчитано количество этих ссылок в разных работах Дюркгейма: в текстах до «О разделении общественного труда» [Дюркгейм 1996], в «О разделении общественного труда», «Метод социологии» [Дюркгейм 1995], курсе по социализму и, наконец, в публикациях после «Самоубийства» [Дюркгейм 1994], т.е. после того, как его взгляды изменились в связи с осознанием роли религии в жизни общества [Steiner 2010: 9]. Штайнер определяет, на работы представителей каких направлений в политической экономии ссылается Дюркгейм (в ранних работах это в основном немецкая историческая школа, в более поздних — социалисты).

Прежде всего Штайнера интересует, что в политической экономии подвергается критике Дюркгейма и какие взгляды Дюркгейма и отдельных экономистов оказываются близкими. Дюркгейм заявляет, что политическая экономия пыталась достичь статуса автономной науки, дистанцируясь от моральной и социальной перспективы, и подвергает критике склонность экономистов к редукционизму, свойственную им практику сводить человека и общество к воображаемым сущностям, конструкциям, не отсылающим к реальности. Как утверждает Дюркгейм, следствием этого является недостаточное внимание политической экономии к солидарности, которая для него самого была одним из центральных понятий. Общим методологическим основанием для критики является обвинение экономистов в том, что они предпочитают иметь дело с абстракциями, избегая вещей слишком сложных.

При этом Дюркгейм утвердительно отвечает на вопрос, попадают ли экономические факты под определение социальных; следовательно, возможно разработать социологический подход к изучению хозяйства. Экономические факты имеют моральный характер и зависят от мнений, которые и, кристаллизуясь, образуют институциональные формы [Steiner 2010: 23]. Дюркгейм считает, что можно исправить недостатки политической экономии, пересмотрев её метод и отказавшись от чрезмерной обобщённости.

Штайнер обозначает схожесть взглядов Дюркгейма со взглядами некоторых экономистов в определённых вопросах. Например, говорится о его согласии с Вагнером (Adolf Wagner) и Шмоллером (Gustav Schmoller) по поводу того, что этика и политическая экономия неразрывно связаны, а экономические функции нужно изучать как социальные, или о близости его позиции и позиции Шеффле (Albert Schäffle) в отношении индивидуализма и социализма [Steiner 2010: 14–15].

Во второй главе «Политика, хозяйство и религия» Штайнер обозначает изменение во взглядах Дюркгейма. Появление второй исследовательской программы происходит после 1895 г., когда Дюркгейм приходит к новому для себя пониманию места религии в жизни общества; это осознание выделяется им как важнейшее событие, он описывает его как «откровение» [Steiner 2010: 38–39]. Впоследствии это «откровение» оказало существенное влияние на его взгляды и разрабатываемый им социологический подход.

Дюркгейм делает экономику социальной, открывает её для социологического анализа. Он предлагает вместо экономического определения слабых связей «сильную связь»: постоянную, эмоционально насыщенную, продолжительную. Это связь, которая концептуально связывает обмен с социальными представлениями (*representations*).

Работа, которая демонстрирует позицию Дюркгейма по отношению ко многим проблемам, связанным с концептуализацией и изучением хозяйства, — «О разделении общественного труда». Штайнер довольно детально останавливается на понятии профессиональных групп, рассматриваемом в одной из частей этой работы. Для того чтобы объяснить то, как экономические факты определяются способами думать и чувствовать, Дюркгейм вводит схему, по которой социальные представления формируют ценности, лежащие в основе решений и действий. Другая тема, занимающая одно из центральных мест в экономической социологии Дюркгейма — природа контрактных отношений. Контракты, оформляющие процесс обмена, не обсуждаются при заключении заново каждый раз, они подвергаются социальному регулированию.

В новом предисловии к «О разделении общественного труда» [Durkheim 1967] упомянутые в последней части работы профессиональные группы предстают в виде хранителей морали. Через профессиональные группы, по Дюркгейму, осуществляется морализация экономической жизни, через социальную иерархию происходит упорядочивание желаний и легитимация структуры. Он высказывает реформистские идеи: нужно способствовать созданию профессиональных групп. Развитие экономической деятельности приводит к изменению форм социального сплочения, но, для того чтобы обеспечить новые условия для социализации, требуется вмешательство политических институтов [Steiner 2010: 50].

Работа «О разделении общественного труда» была положительно встречена экономистами и оказала на них значительное влияние [Steiner 2010: 36]. Однако «Метод социологии» не получил такого одобрения и вызвал скорее претензии к самому Дюркгейму из-за абстрактности его собственного подхода. По прошествии некоторого времени экономисты с большим участием отнеслись к деятельности Дюркгейма, обнаружив сходство идей Дюркгейма, Шмоллера и Шеффле. О признании работ дюркгеймианцев в политической экономии свидетельствует тот факт, что к 1918 г. Франсуа Симиан и Морис Хальбвакс вошли в состав редакции одного из ведущих французских журналов в данной области — «Revue D'Économie Politique», основанного в 1887 г.

Далее в главах «Симиан и критика политической экономии» и «Позитивная политическая экономия, или дюркгеймианская экономическая социология» Штайнер описывает то, как исследовательские программы Дюркгейма были дополнены и продолжены Франсуа Симианом и Морисом Хальбваксом. Они

разработали теорию социальных представлений (*representations*) для объяснения экономического поведения.

Симиан предложил свою классификацию экономических фактов, которая должна была лечь в основу методологии экономической социологии, создать её очертания и каркас. Он различает производство и распределение, а внутри них вводит дальнейшее различие нескольких уровней — от институтов до социальных представлений. Как пишет Штайнер, схема Симиана имеет сходные черты с принципами, предлагаемыми Дюркгеймом в «Методологии социологии» [Дюркгейм 1995], когда явления социальной реальности классифицируются в соответствии с их временным аспектом и степенью консолидации. Согласно вводимым Симианом принципам классификации и выделенным различиям, следовало строить дисциплину и дифференцировать исследования на основе того, какой элемент выстроенной концепции выступает в роли предмета изучения. Тем не менее на практическом уровне Симиан столкнулся с трудностями: существующие работы не вписывались в сконструированные им же самим рамки [Steiner 2010: 65–69].

Симиан перевёл вопросы классической экономической теории в плоскость социологии знания, проблематизируя основные экономические вопросы, идеи и понятия. Так, он говорит, что экономика задаёт вопросы, имеющие нормативный характер: как надо организовать хозяйство? Какая форма производства является наиболее эффективной? И так далее. Предметом такой науки становится то, что *возможно*; однако вместо этого следует изучать реальность, превратив эту науку в позитивную, способную открывать закономерности социального [Steiner 2010: 75–76].

В это время в экономике развивается формалистский подход, в 30-х гг. XX в. в США и к 60-м во Франции в экономической теории начинает широко использоваться математика. Штайнер возвращается к вопросу об успешности коммуникации между дюркгеймианской социологией и экономикой. Раздел, посвящённый экономической социологии в «Социологическом ежегоднике» («L'Année Sociologique»), получил одобрение экономистов. Реакция экономистов на методологические разработки и критические тексты Симиана и его коллег была более неоднозначной. Симиана даже обвиняли в плохом знании теорий, которые он подвергал критике.

Симиан подчёркивает роль социальных представлений, в соответствии с которыми люди воспринимают реальность и действуют. Экономические величины — такие как стоимость — есть объективация представлений (например, согласно этому подходу предметом изучения мог стать социальный характер ценообразования). В рамках такого подхода в экономической социологии можно анализировать статистику за достаточно продолжительный период.

Штайнер характеризует обстановку во французской социологии после смерти Симиана в 1935 г. Он сосредоточивает внимание на фигуре Мориса Хальбвакса, который также критикует экономическую теорию, но не выдвигает радикально оригинальных идей, в основном используя аргументы, выдвинутые Симианом. В целом Хальбвакс продолжает развивать идеи Симиана, придерживаясь весьма близкой позиции. Он высоко оценивал работы Кейнса (John Maynard Keynes) и Пигу (Arthur Pigou), но упустил из вида точки соприкосновения взглядов Кейнса и Дюркгейма. Как пишет Штайнер, только Жорж Лютфалла (Georges Lutfalla), чья статья была опубликована в послевоенном номере «Социологического ежегодника», отметил схожесть точки зрения Дюркгейма и «Общей теории занятости, процента и денег» [Кейнс 2002], помещающей экономического человека в социальный контекст. Штайнер отмечает, что в отличие от Хальбвакса, в основном повторяющего критические положения, сформулированные Симианом в своих последних работах, Лютфалла открывает новые перспективы, которые сейчас могут быть приняты во внимание при использовании современных экономико-социологических подходов.

В четвёртой главе приведён обзор наиболее выдающихся исследований Симиана и Хальбвакса; их работы были посвящены таким темам, как формирование оклада работников (Симиан) и потребление (Хальбвакс). В исследовании заработной платы Симиан утверждает, что социальные представления выступают в роли концепта, соединяющего действия индивидов, решения, принимаемые ими, и доступную им информацию [Steiner 2010: 91]. Штайнер также передаёт суть содержания диссертации Хальбвакса, в которой тот предлагает социологическое объяснение четырёх законов Энгеля (Ernst Engel) [Steiner 2010: 95]. В 1930-е гг. внимание социологов направлено на изменения, происходящие в капиталистических системах, в частности в их институциональной структуре.

Симиан указывает на эквивалентность названий разрабатываемого направления: позитивная политическая экономия это и есть экономическая социология. Вводится определённая логика действий: прежде всего, найти факты — эмпирическое свидетельство, затем — упорядочить эти факты, чтобы обнаружить взаимосвязности и проанализировать их, после чего статистически выявить причинные отношения и объяснить поведение при помощи этих отношений, проверить результаты на данных «другого события». Наконец, экономическая социология должна сделать некие прогнозы для экономической политики. Штайнер пишет, что, принимая во внимание эту методологическую схему, ни Симиан, ни Хальбвакс не могут быть обвинены в том, что они производят теорию без фактов или используют факты без теории [Steiner 2010: 109–110].

Отдельно рассматривается взаимодействие представителей дюркгеймианской школы с американскими учёными: Штайнер упоминает о связи с Вебленом (Thorstein Veblen), Коммонсом (John Commons), Митчеллом (George Mitchell). Хальбвакс в своё время проводил сравнительное исследование на тему бюджетов рабочих в Европе и США. Симиана интересовал экономический кризис. Также темой, которую анализировали последователи Дюркгейма, была возможность переноса принципов организации производства — тейлоризма и фордизма — в страны Европы [Steiner 2010: 99–100]. Впрочем, как замечает Штайнер, Симиан дал недостаточное аналитическое описание фордизма, что отчасти связано с тем, что в то время ещё не совсем были ясны его эффекты и все последствия его введения. Наряду с тейлоризмом и фордизмом французские экономические социологи уделяют внимание «юнионизации» (*unionization*) Соединённых Штатов — процессу развития профсоюзного движения.

Симиан в работе «Курс политической экономии» [Simiand 1928] рассмотрел феномен экономической рационализации в американском хозяйстве. По утверждению Симиана, в начале XX в. появляется и развивается сознательная организация связи между уровнями экономической деятельности [Steiner 2010: 102].

Штайнер проводит параллель между позитивной экономикой, разрабатываемой представителями дюркгеймианской школы, и регулятивным подходом в экономической теории: оба направления развивались в 50-х и 60-х гг. XX в. во Франции и выстраивались в противоположность классической экономической теории, отказываясь от модели человека экономического и математической формализации и акцентируя внимание на истории и социальных отношениях. Методологическими принципами этих подходов к изучению хозяйства было обращение к истории и социологии, акцент на использовании статистических данных. После рассмотрения критики политической экономии дюркгеймианцами и их деятельности в рамках экономической социологии Штайнер обращается к идеям, свойственным Дюркгейму в его поздних работах. Вторая программа Дюркгейма обозначена в «Элементарных формах религиозной жизни» [Durkheim 2008] и в курсе лекций, однако сам учёный не разрабатывал её систематически, как первую; её принципы в значительной мере дополнены и укреплены Марселем Моссом. В пятой главе — «Религия и хозяйство: Мосс и вторая дюркгеймианская программа» — Штайнер переходит к тому, как идеи Дюркгейма получили развитие в работах Мосса [Steiner 2010: 116]. Вначале Штайнер описывает связь религии и хозяйства так, как понимал её Дюркгейм: выделяет два пути от экономического факта к религии. Во-первых, связующим звеном является право, тогда природа хозяй-

ства анализируется через возникновение прав собственности и контрактных отношений. Во-вторых, эта связь опосредована теорией познания.

Штайнер рассматривает темы, которые интересны Дюркгейму: происхождение и природа собственности и контрактов. Эти вопросы затронуты Дюркгеймом в курсе лекций по физиологии права [Durkheim 1950]; он предпринимает попытку поиска исторических причин возникновения прав и их существования в современном виде, для чего задействует методы компаративной этнографии и данные статистики. Тема профессиональных групп и контрактных отношений возникает, как было отмечено выше, ещё в «О разделении общественного труда». Дюркгейм рассматривает отношения собственности и обмена как обозначающие фундаментальные экономические категории присвоения и трансакции, укоренённые в религии. Он отвергает теорию о происхождении прав собственности из труда и предлагает своё определение собственности как производной от отношения исключения. В пример приводится возникновение прав собственности на землю, которое анализируется через оппозицию сакрального и профанного: земельная собственность изначально сакральна, утверждает Дюркгейм, потому что считалось, что земля принадлежит богам [Steiner 2010: 118–119].

Дюркгейм предполагает также, что все категории, включая экономические, имеют религиозное происхождение. Для него религиозное и экономическое не являются разными сферами социальной жизни. Штайнер производит анализ упоминания Дюркгеймом нескольких экономических категорий. Тот не исследовал специально их происхождение; например, в его работах не встречается понятие редкости² (*scarcity*). Когда Дюркгейм говорит о ценности (*value*), это понятие для него ассоциируется с отношением власти, а власть имеет религиозное происхождение (таким образом, это не непосредственная связь). Дюркгейм упоминает ценность в контексте обсуждения аномии, но он не придаёт данному понятию значения фундаментальной экономической категории.

Штайнер воспроизводит два основных вопроса, которые Марсель Мосс ставит в «Очерке о даре»: что это за силы интереса и права, которые наделяют дарообмен характером обязательного? Что это за силы, заложенные в объекте, которые делают отдаривание принудительным? Мосс опровергает «миф о бартере» [Steiner 2010: 129–130], выдвигая тезис о том, что обмен начинается с дара. Он выводит моральный идеал: люди не действуют расчётливо и эгоистично, они обладают моралью. В итоге Мосс приходит к заключению, что две системы обмена соответствуют дуалистической природе человека. Здесь Штайнер напоминает, что классификацией форм циркуляции богатств занимался ещё Конт, который высказывал идеи, сходные с идеями Мосса, и выделял дарообмен, обмен, наследование и завоевание [Steiner 2010: 134–135].

Мосс рассматривает концепты, которыми оперирует современное общество, такие как обмен или интерес, и спрашивает: как мы стали тем, чем мы стали? В этом он близок к тому, как ставит проблему Вебер в «Протестантской этике и духе капитализма» [Вебер 2006]. Так, в «Очерке о даре» Мосс, используя антропологические методологию и данные, завершает начатое Дюркгеймом: соединяет хозяйство и религию.

Шестая глава представляет собой рассказ о последующей судьбе двух дюркгеймианских исследовательских программ. Штайнер останавливается на взаимоотношениях последователей Дюркгейма. В межвоенный период можно выделить два лагеря. В первый входила группа учёных, которые занимались преимущественно исследованиями. Это Симиан, Мосс, Хальбвакс, Гране (Marcel Granet). Они разделяли социалистические политические взгляды, искали оригинальные перспективы в разных направлениях — в социологии религии, экономической теории, статистике, осваивали иностранные

² Существует несколько используемых вариантов перевода данного понятия. Помимо «редкости», *scarcity* может переводиться и как «скудость» или «ограниченность».

языки, публиковали новые работы и критику работ Дюркгейма. Ко второму лагерю принадлежали Бугле (Célestin Bouglé), Дави (Georges Davy), Фоконе (Paul Fauconnet), ориентировавшиеся прежде всего на преподавательскую деятельность. Они занимались в основном популяризацией идей Дюркгейма [Steiner 2010: 143].

В 1906 г. Марсель Мосс посетил Россию, ему были интересны происходившие там в это время события и их последствия. Он был разочарован в большевизме; пришёл к выводу, что если социализм есть осознанная организация хозяйства, то большевизм не может называться формой социализма. Мосс критиковал коллективизацию, зато положительно оценивал создание профессиональных групп (которое, впрочем, вскоре начало жёстко регулироваться, замечает Штайнер) [Steiner 2010: 144–146]. Также Мосс написал несколько десятков статей, посвящённых деньгам, обмену валюты, статусу франка (обесценение франка вследствие перевыпуска денег, потеря доверия к деньгам) [Steiner 2010: 147–149].

Деятельность двух последователей Дюркгейма, Симиана и Мосса, показывает тематическое, методологическое и концептуальное сходство представляемых ими исследовательских программ (что отражает название главы — «Точки соприкосновения между двумя программами»). Работы этих представителей дюркгеймианской школы иллюстрируют конвергенцию положений двух подходов, основа для которых была заложена Дюркгеймом. Расхождение между двумя исследовательскими программами выражается в первую очередь в методике: несмотря на то, например, что Мосс отчасти разделяет приверженность Симиана к использованию статистики, в целом он придерживается несколько других принципов.

В главе «Социология экономического знания и критика политической экономии» Штайнер более детально анализирует взгляды дюркгеймианцев на роль социологии знания. Он начинает с обзора и сопоставления положений критики политической экономии Конта, Маркса и Дюркгейма. В качестве наиболее релевантных утверждений Конта Штайнер формулирует аргумент о многообразии действия (в отличие от упрощённой экономической модели действия) и предположение о том, что распространение позитивистского образования должно привести к преобладанию альтруистических побуждений над эгоистическими. Маркса принято считать стоящим в стороне от Конта и Дюркгейма, связь между точками зрения которых очевидна. Но, как пишет Штайнер, «его [Маркса] критика политической экономии — это экономическая социология, которая себя таковой не признаёт» [Steiner 2010: 173]. Обнаруживается схожесть некоторых взглядов Дюркгейма и Маркса; в то же время значение таких сфер жизни общества, как религия и образование, для них принципиально разное [Steiner 2010: 172–177].

Социология знания, а в частности социология экономического знания, рассматривается как способ ответа на интересующий Дюркгейма вопрос о том, как идеальное меняет реальное. Штайнер передаёт основной его замысел, заключённый в курсе лекций по образованию и в работе «Моральное образование» [Durkheim 1974], — демонстрацию того, что образование в иезуитских школах во Франции XVII в. опосредовало формирование экономического рационализма [Steiner 2010: 181].

Наконец, в последней главе «От религиозной рационализации к рациональному образованию» Штайнер пишет, что было бы логичным рассмотреть в связи со второй исследовательской программой Дюркгейма взгляды Вебера на связь хозяйства и религии. При этом он оговаривается, что Вебер не вступал в диалог с Дюркгеймом, хотя дюркгеймианцы — Хальбвакс и Мосс — уделяли внимание социологии Вебера. Диалога между двумя классиками не состоялось по ряду причин, среди которых исторические события, обособившие французскую социологию от немецкой, и различия в подходах двух учёных [Steiner 2010: 199]. Штайнер перечисляет ряд основных положений, заключённых в «Протестантской этике и духе капитализма» [Вебер 2006], сопоставляя схемы процесса рационализации через протестантизм и систему образования соответственно. Также подчёркивается не только роль содержания обучения, но и роль его формы в концепции Дюркгейма. Штайнер завершает главу тем, что выделяет значение концепции социологии знания, опосредованного системой образования, в рамках ответа

на вопрос о том, как возникли и утвердились ценности, лежащие в основе современной экономики [Steiner 2010: 217–218].

Книга «Дюркгейм и рождение экономической социологии» может показаться неоднородной; это следствие того, что Штайнер предпринимает попытку охватить широкий круг вопросов. Ему удаётся проанализировать возникновение и развитие дюркгеймианской экономической социологии, принимая во внимание разные аспекты. Поэтому на страницах книги соседствуют институциональные особенности становления дюркгеймианской экономической социологии, исторический контекст развития теоретических и методологических положений, содержательный анализ работ Дюркгейма и его последователей как отдельно, так и в сопоставлении с работами других социологов и экономистов.

Обратимся к вопросу выбора названия для рецензируемой монографии. Напомним, что оригинальное издание книги вышло на французском под заголовком «Дюркгеймианская школа и изучение хозяйства. Социология, религия и знание». Исходя из сказанного о содержании работы, понятно, что отражает каждая часть названия: все они подтверждаются самой сутью данного историко-социологического исследования. А именно: автор сосредоточивает внимание на том, что представители дюркгеймианской школы писали о предметах, обычно относящихся к области экономики, т.е. к сфере хозяйства или хозяйственной жизни. Особенности, отличающие подход этой школы, состоят в том, что анализ экономических фактов происходит через связывание их с религией и посредством области социологии знания. Англоязычный вариант — «Дюркгейм и рождение экономической социологии» — называется более лаконично и броско, чем оригинал, однако выглядит менее честным. Во-первых, Дюркгейм упомянут один, без последователей. На фоне того, что значительная часть теоретических разработок, имеющих отношение именно к изучению хозяйства, была проделана не самим классиком, а его учениками, это не вполне обоснованно. Во-вторых, его непосредственное, личное отношение к рождению экономической социологии (экономической социологии вообще) при тщательном анализе истории развития дисциплины оказывается преувеличенным.

Кому может быть интересна книга «Дюркгейм и рождение экономической социологии»? Естественно, широкому кругу читателей, особенно — социологам, интересующимся историей социологии и проблемами экономической социологии. Можно предположить, что некоторым она покажется более полезной, в зависимости от того, над какими темами работает читатель, или более сложной для понимания, в зависимости от того, насколько хорошо читатель знаком с историей и классикой социологии и политической экономии или, в частности, с дюркгеймианской школой. Впрочем, для тех, кто интересуется именно дюркгеймианской школой, это обязательное чтение. Стоит обратить внимание на данное издание и тем, кто хочет лучше разбираться в экономической социологии, — прочитав эту книгу, можно восполнить существующие пробелы в знаниях.

Следует заметить, что с вопросом о читательской аудитории связана одна небольшая проблема: создаётся впечатление, что Штайнер рассчитывал именно на широкий круг читателей, вернее, не определился с тем, кому конкретно он адресует книгу. Вследствие чего в одних случаях он довольно подробно прописывает содержание какой-нибудь известной работы по социологии, а в других — может, наоборот, упомянуть какой-нибудь факт вскользь, как если бы это было само собой разумеющимся, в то время как более простое и детальное объяснение было бы нелишним.

В целом книга является хорошей метатеоретической работой — в смысле первого типа метатеоретизирования по Джорджу Ритцеру, «как средство достижения более глубокого понимания теории» [Ритцер 2002: 563]. Основными фигурами являются Дюркгейм, Симиан, Хальбвакс и Мосс, причем, помимо них в тексте упомянуты десятки учёных. Штайнер излагает идеи — более или менее подробно — многих работ, проводит параллели, которые иногда кажутся ожидаемыми, а иногда — неожиданными и любопытными. В работе выдвинуты идеи и обозначены проблемы, которые требуют более тщательно-

го анализа, так что если задаться такой целью, есть шанс найти интересную тему для исследовательской работы.

Литература

- Вебер М. 2006. *Избранное. Протестантская этика и дух капитализма*. М.: Российская политическая энциклопедия.
- Дюркгейм Э. 1994. *Самоубийство: Социологический этюд*. М.: Мысль.
- Дюркгейм Э. 1995. *Социология. Её предмет, метод, предназначение*. М.: Канон.
- Дюркгейм Э. 1996. *О разделении общественного труда*. М.: Канон.
- Кейнс Дж.М. 2002. *Общая теория занятости, процента и денег*. М.: Гелиос АРВ.
- Мосс М. 1996. Очерк о даре. В сб.: *Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии*. М.: Восточная литература, РАН; 8–222.
- Ритцер Дж. 2002. Социологические метатеории и метатеоретическая схема анализа социологической теории. *Современные социологические теории* (5-е издание). Москва и др.: Питер.
- Смелсер Н., Сведберг Р. 2004. Социологический подход к анализу хозяйства. В сб.: *Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики*. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).
- Штайнер Ф. 2009. Экономическая социология во Франции: интервью с Филиппом Штайнером. *Экономическая социология*. 10 (4): 6–13.
- Durkheim E. 1950. *Leçons de sociologie. Physique des moeurs et du droit*. Paris: Les Presses Universitaires de France.
- Durkheim E. 2007. *L'éducation morale*. Paris: Fabert.
- Durkheim E. 1967. Préface a la seconde édition. *De la division du travail social*. Paris: Les Presses Universitaires de France.
- Durkheim E. 2008. *The Elementary Forms of Religious Life*. Oxford: Oxford University Press, USA.
- Simiand F. 1928. *Cours d'économie politique*. Paris: Domat-Montchrestein.